

Нил Ашерсон

**Друзья, братья и партнеры:
будущие коалиции внутри Европейского союза**

Давным-давно, в семидесятые, когда жизнь была так интересна, меня попросили выступить на конференции в Польском институте международных дел (на Варецкой улице), посвященной проблемам европейской безопасности. Международная ситуация в те годы выглядела так, будто многое менялось и открывались небывалые ранее возможности. В воздухе носились идеи сокращения вооружений, развития контактов между людьми в разных странах и даже защиты прав человека. Во всяком случае я помню, как закончил свою речь самонадеянным восклицанием: «Потсдам умер! Да здравствует Хельсинки!» Кое-кто в аудитории захолопал, кто-то засмеялся, а некоторые были в недоумении и упрекнули меня в недостаточно серьезном отношении к стабильности границы по линии Одер-Нейсе.

Теперь, оглядываясь назад, я и сам недоумеваю - хорошо ли понимал тогда, о чем говорю. Этот мой лозунг, по сути, означал, что, прежний стиль ведения дел на европейском уровне уступает место новому - намного лучшему. В Потсдаме главы держав «Большой четверки», проведя переговоры за закрытыми дверями во дворце Цецилиендорф, вышли и объявили менее значимым державам, ожидавшим решения своей участи, каковы будут впредь их формы, политическая окраска и границы. Теперь же, думал я, «хельсинкский процесс» развивается на основе пусть и несколько «потустороннего», но благородного принципа равенства: каждая страна-участница,

большая или малая, обладала правом одного голоса, и многие решения в Хельсинки были приняты единогласно. Более «мелкие» нации воспользовались этой системой ведения переговоров, создавая неформальные союзы и дружеские связи поверх «идеологических водоразделов»; такое поведение, конечно, было характерно для нейтральных стран, но порой в этом бывали замечены и участники различных пактов. Так, Польша вела приятные беседы с Норвегией за чашечкой кофе, а венгры гуляли по коридорам под руку со швейцарскими или бельгийскими дипломатами. Эти «мелкие комбинации», имевшие целью решение тех или иных политических задач, часто вызывали недовольство сверхдержав-«патронов». Но благодаря им реально возникали небольшие «ниши» для ведения переговоров и некоторая свобода действий в ограниченном пространстве.

Сегодня «хельсинкский процесс» в форме ОЭСР отступил на взбудораженные окраины континента и служит там делу мира, демократии и справедливости, используя многие методы, которые дают хорошие результаты, но не привлекают большого внимания. Мы, европейцы, теперь контактируем между собой в рамках расширенного Союза. Так захотелось бы мне сегодня воскликнуть, что Хельсинки умер - и да здравствует Маастрихт или Ницца?

Наверное, нет. Во-первых, потому, что Союз построен на принципах, унаследованных от «хельсинкского процесса», а именно на идее, что все вопросы должны решаться возможно более открыто, а не несколькими избранными нациями за закрытыми дверями; а также - что каждая страна обладает правом вето, которое в конечном итоге, независимо от численности населения, ставит всех членов Союза в равные условия. И, во-вторых, потому, что Союз - это и есть в некотором роде та цель, которую ставили перед собой Европейские конференции по безопасности и сотрудничеству. Хельсинки был абсолютно необходим, говорили мы в семидесятые, ибо после окончания второй мировой войны никакого мирного договора заключено не было. Но теперь, оглядываясь назад с высоты наших сегодняшних знаний и опыта, мы видим, что на

самом деле такой договор существовал. Мы не расценивали его как таковой потому, что поначалу он ограничивался лишь Западной Европой, и в нем не участвовали ни СССР, ни США. Но тот мирный договор, завершивший войну 1939-1945 гг., носил название «Римский договор» и был подписан в 1957 г. несколькими странами, к которым затем, на протяжении последующих десятилетий, присоединялось все больше и больше европейских государств. Но большинство мирных договоров - это немые листки бумаги, пылящиеся в архивах. Этот же договор жив и продолжает развиваться, и плоды его - не только мирная жизнь, но и деньги, продукты питания, промышленные товары, научные исследования, развитие культуры, а кроме того - что неизбежно - шумные потоки миллионов новых листков бумаги.

Я знаю, что сейчас наступил трудный момент, когда не совсем уместно говорить о возникновении альянсов и группировок внутри ЕС. Друзья? Время говорить о друзьях наступит, когда Союз вновь войдет в рабочий режим и будет двигаться в каком-то определенном направлении. В настоящее время рассуждать о внутренних альянсах - это все равно что раздавать солнцезащитные очки пассажирам, чей рейс в курортный город был отменен.

Мы говорим здесь о двух неудачах. Первое - это, конечно, отказ населения Франции и Нидерландов проголосовать в поддержку конституционного договора. Данный эпизод абсурден, но последствия его далеко не абсурдны - они весьма серьезны. Кое-кто проголосовал против договора, считая его манифестом в пользу нерегулируемого капитализма эпохи свободной конкуренции. Это мнение неверно - документ был тщательно разработан именно так, чтобы обеспечить его социальную ориентацию. Некоторые проголосовали против, будучи уверены в том, что власть следует не передавать Брюсселю, а хранить в суверенных границах наций-государств. Но это именно то, за что ратует договор: признавая, что многие функции эффективнее выполняются (и потому должны выполняться) на национальном уровне, он, по сути, приоста-

новил - до поры до времени - развитие программ, нацеленных на дальнейшее объединение политических суверенитетов. Некоторые (главным образом, англичане) думали, что проголосовать «против» означает неприятие Европейского союза как такового. Но это не так. Миллионы людей - особенно во Франции - говорили «Нет Европе», будучи уверенными, что на самом деле они подтверждают свою веру в Союз - или, по крайней мере, в свое видение Союза, подрываемое этим договором.

Договор, по сути, мертв; но, когда правительства 25 стран-участниц перестанут убеждать себя в том, что он «всего лишь спит», появится возможность извлечь из его трупа в целости и сохранности все разумные и необходимые положения, которые вполне пригодны и для регулирования расширенного ЕС в составе 25 членов. Серьезным компонентом здесь являются деньги, которые были в него заложены: бюджет на крайне важный период 2007–2013 гг. Вряд ли западные европейцы по-настоящему понимают, что значили эти деньги для тех стран, которые вступили в ЕС в 2004 г. Деньги эти были важны не только в экономическом плане, ибо обеспечивали инфраструктуру источник финансирования, без которого она абсолютно не в состоянии обойтись, и не только для безработных, которые особенно тяжело переживают переходный период. Это еще и вопрос чести. Именно из-за уверенности в получении этих средств некоторые из вновь вступивших стран - в особенности Польша - в рамках условий своего вступления в ЕС согласились принять в других областях средства, гораздо меньшие тех, в которых они реально нуждались. Думаю, что политические потери и разочарования в случае, если хотя бы некоторая часть этих денег останется невыплаченной, будут долгосрочными и трагичными. Именно англичане - в большей степени, чем кто-либо другой, - заблокировали данный бюджет во имя реформы (прежде всего в сфере общей аграрной политики) и ради возмещения своих старых долгов. Поэтому, несомненно, в период британского председательства в ЕС англичанам необходимо будет приложить все усилия,

чтобы - если возможно, до конца текущего года - обеспечить выплату ограниченного транша на покрытие расходов по структурным изменениям и консолидации новых членов. Что касается меня лично, то мне стало бы очень стыдно, если бы кто-нибудь в настоящий момент попытался добавить в договор новые условия относительно того, на что должны быть потрачены эти деньги.

Вторая неудача - результаты выборов в Германии. Результаты эти значимы по двум причинам. Первая очевидна: крупнейшая экономика ЕС - и во многих отношениях самая «больная» - может теперь в течение долгого времени не получать «лечения» реформами. Вторая причина - это то влияние, которое окажут эти результаты на ЕС и его членов.

Многие правительства и частные лица уже предавались фантазиям о легкой победе Анджелы Меркель, за которой последуют радикальные перемены в экономике, политике и - более того - в устройстве всего континента, в результате чего возникнет некая «меркеле-саркозиевская» Европа освобожденных рыночных сил. Но здесь, по крайней мере, оправдался именно мой политический прогноз: что Меркель в ходе предвыборной кампании будет наголову разбита своим очень опытным и хитрым оппонентом. Теперь политики всей Европы рыдают в свои носовые платки. И, надо сказать, рыдают они не из-за того, что произойдет с Европейским союзом - их пугает то, что может произойти с их собственными планами - или даже дальнейшими карьерами.

Англичане думали, что Меркель отойдет от французских связей и, ввиду предпочтения, которое она отдает рыночным силам, станет надежным союзником Тони Блэра в продвижении его концепции менее защищенной Европы с более высоким уровнем конкуренции. Здесь, как ни печально, вновь сыграла свою роль их неискоренимая иллюзия: что немцы только и ждут того момента, когда смогут осуществить историческую «перегруппировку альянсов», «утереть нос» французам и установить, наконец, надежное партнерство с Англией, видя в этих двух странах естественных лидеров Европы. Я

наблюдал, как англичане в течение сорока лет предавались сладким сновидениям на эту тему. Г-н Саркози же, напротив, надеялся, что Меркель примется укреплять франко-германские связи, способствуя избранию Франции на пост председателя ЕС и сотрудничая с ней в общем движении с целью освободить «коренные» европейские экономики. У Польши были достаточные основания надеяться, что Анджела Меркель в своей деятельности на посту канцлера станет учитывать тревоги поляков, дистанцируется от заведенного Герхардом Шредером одностороннего «романа» с Россией и с большей серьезностью отнесется к будущим отношениям ЕС с Украиной и Белоруссией.

Все эти яркие перспективы потонули во мраке. Сейчас мы не знаем, какова будет внешняя политика Германии вообще и в отношении Европы - в частности; разве что Германия, как один из главных источников финансирования, в течение определенного времени не сможет достигнуть согласия в вопросе о том, как разрешить бюджетный кризис. Ситуация усугубляется еще и тем, что эта неуверенность возникла именно накануне двух встреч, которые могли бы помочь выработать удачные решения и по бюджету, и по конституционному договору. Первая - это частный семинар членов Европейской комиссии, где предполагалось обсудить обе проблемы, и неформальная встреча глав государств ЕС во дворце Хемптон-Корт в конце октября, где ни ту, ни другую проблему обсуждать не планируется, но, тем не менее, разговор о них неизбежно возникнет.

Итак, являются ли описанные события необратимо разрушительными, обозначая конец развития Союза и начало его медленной дезинтеграции? Нет, я ни на минуту не допускаю такой возможности. Но теперь настала эпоха реализма. Теперь можно признать, что нации-государства до сих пор обладают почти полным суверенитетом, что истинно наднациональные функции Брюсселя весьма ограничены и что народное недовольство непрозрачностью и бесконтрольностью принятия решений на уровне Союза вполне оправданно.

И настало время поразмыслить о том, чем является Союз для нас на настоящий момент.

Вполне возможно, что Крис Паттен - единственный истинный христианский демократ в Англии. В своей книге под названием «Не вполне дипломат», выпущенной в продажу лишь вчера, он пишет: «Происхождение Европейского Союза - его изначальный смысл - состоял в том, чтобы закончить войну в Европе. В целом мы этого достигли... и еще мы положили конец разделению Европы... Так что же дальше?» Он предлагает, чтобы теперь главной задачей ЕС стало предотвращение столкновения цивилизаций «по Хантингтону»: примирить ислам и Запад - как некогда предтеча ЕС примирил между собой Францию и Германию.

Такая повестка дня представляется мне благородной, но безнадежно необъятной. Лично я предпочел бы, чтобы Европейский союз XXI века оставался наиболее мощной «машинной уравнивающей» из всех когда-либо изобретенных. В наше время его основная функция состоит в подтягивании до общего высокого стандарта и уровня жизни, и принципов общественного устройства во всех тех странах, что вступают в него одна за другой. Трудно придумать деятельность более «социальную», чем эта. Я считаю, что, грубо говоря, расширение как вид деятельности стало экзистенциальным атрибутом ЕС. Но процесс этот в не меньшей степени, чем будущее управление еврозоной, требует интегрированного учета бесчисленных административных и фискальных деталей, и интеграция эта будет плавно продолжаться из года в год. В данном смысле объединение фактических суверенитетов будет идти по нарастающей, но без надгосударственных амбиций.

Когда же члены ЕС смогут наконец сказать, что их союзная политика стала скорее внутренней, чем внешней? Не знаю; но это должно случиться, причем незаметно. А наши руководители тем временем, оправившись от шока и разочарований нынешнего года, снова примутся за свою давно известную дипломатическую игру - вербовать друзей и изолировать соперников. Поскольку следующее правительство Германии

еще не родилось, и его политика непредсказуема, нам сейчас нелегко понять, как эти схемы будут формироваться. Франция будет исходить из того, что ее связь с Германией вновь станет актуальной, и ею можно будет воспользоваться для изоляции Англии. Премьер-министр де Вильпен недавно написал в «Файненшл Таймс», что «Европе надо сделать выбор между зоной свободной торговли и политической Европой». Иными словами - выбрать либо политику Блэра, привязанную к Америке, либо французское руководство. Естественно, что министр иностранных дел Великобритании Джек Строу усиленно отрицает само существование такого выбора. Дихотомия, где альтернативой является либо социальная Европа, либо обычный общий рынок, по сути, фальшива, - говорит он, - ибо Европа уже стала необратимо «социальной»; вопрос заключается лишь в том, что это за социальная Европа. Континентальная - где 20 миллионов безработных, или британская - где их всего пять процентов?

Обе страны соперничают друг с другом, стремясь заручиться поддержкой прежде всего Польши. Но у них обеих есть и связанные с этим болезненные воспоминания: г-н Саркози, будучи недавно в Варшаве, предложил «привилегированные взаимоотношения» с Францией, чтобы исправить «недоразумение» (он имел в виду совет полякам попридержаться язык в отношении событий в Ираке, данный им президентом Шираком в 2003 г.). Англичане хотели бы, чтобы поляки забыли пережитый ими ранее в этом году шок в связи с вмешательством Тони Блэра в вопрос о бюджете, а вместо этого обратили бы внимание на то, насколько конвергентны политические курсы в сфере экономики, проводимые Великобританией и Польшей (например, поддержка свободного рынка в секторе услуг, столь расстроившая французских избирателей). Наверняка англичане надеются и на то, что Польша и некоторые другие новые члены ЕС станут сотрудничать с ними в деле ослабления напряженности в отношениях между США и Европой. Несомненно, здесь есть почва для сотрудничества, хотя я подозреваю, что Польша не захочет слишком тесно

отождествлять себя с настроениями, враждебными любому развитию Европейского союза, которые ныне господствуют в Великобритании. Германия, я думаю, попытается наладить связи с Польшей, которым прежде уделялось очень мало внимания, путем проведения «более европейской» политики в отношении России, и - если Анджела Меркель сумеет оказать хоть какое-то влияние в данной сфере - приложит серьезные усилия для возобновления связей с более мелкими членами ЕС в Восточной и Центральной Европе. И еще я уверен, что Германия постарается возобновить свое неуклюжее балансирование, которое было свойственно ей на протяжении многих десятилетий: «потеплев» к США (что будет сделать легче после того, как там закончится срок пребывания у власти администрации Джорджа Буша), одновременно начнет поддерживать тесные партнерские отношения в рамках ЕС с постшираковской Францией.

Но, если подходить к созданию союзов внутри ЕС по-старому, то и дело образуя и разбивая «пары» верных и неверных любовников и занимаясь флиртом, проблем будет не избежать. Неформальное сотрудничество наций-государств внутри союза, состоящего из 25 членов, приобретает иной, новый смысл. Все мы помним недавнюю «встречу трех» в Берлине, которая выглядела так, будто Франция, Германия и Великобритания создают «директорию», которой предстоит решать, какие именно вопросы должны стоять на повестке дня ЕС. Это событие было крайне непопулярно среди широких масс общественности. Тем не менее, нечто подобное, судя по всему, неизбежно. Мы уже имеем несколько неформальных «субдиректорий», например «пятерку» (G5) министров внутренних дел Франции, Великобритании, Германии, Испании и Италии, куда Никола Саркози вполне обоснованно предлагал добавить и Польшу, чтобы возникла «шестерка» (G6). Возможно, в будущем эта группа станет форумом для проведения регулярных встреч глав правительств, где Польше по праву будет принадлежать место ввиду большой численности ее населения. Мое отношение к такой перспективе двойственно.

С одной стороны, существование неофициальной «директории» и уцелевших элементов официального конституционного договора сможет обеспечить расширенному ЕС четкую структуру и «энергетику». И Польше, разумеется, уже не придется жаловаться на то, что европейскую политику делают «для нас, но без нас».

Однако, с другой стороны, не будет ли это шагом назад - к тому типу международной системы, от которой мы стремились уйти еще в Хельсинки? Неужели мы собираемся создать внутри Европы новый «Священный Союз», разрабатывая за закрытыми дверями политический курс, который «младшие» члены будут обязаны принять и которому им будет трудно сопротивляться? Странная насмешка судьбы - чтобы именно Польша оказалась в составе вновь возникшего «Священного Союза» крупных держав, объединившихся против «мелких» наций. Неужели нам вскоре придется воскликнуть: «Хельсинки и Маастрихт мертвы! Да здравствует Потсдам!»?

Кроме того, все эти фантазии относительно тех или иных политических комбинаций, альянсов или «директорий» внутри Союза выглядят не очень реальными. Европа - это не огороженный сад, где мы, как дети, можем соревноваться в наших играх, не обращая внимания на шумы, долетающие с улицы. США присутствуют в Европе - в том смысле, что при выработке внешнеполитических курсов на национальном или союзном уровне приходится учитывать и культивировать крайне важные для всех отношения с этой страной. И в том же смысле присутствует и Россия. Значение же Польши в том, что вместе с Литвой она входит в пару единственных крупных государств в составе ЕС, чьи насущные внешнеполитические интересы лежат за пределами Евросоюза и которые она хотела бы видеть инкорпорированными в общеполитические цели на уровне всего Союза. Я имею здесь в виду, разумеется, Украину и Белоруссию, и концепцию «УЛБ» («Украина, Литва, Белоруссия»), которую столь давно и столь стойко отстаивали Ежи Гедройц, Юлиуш Мерошевский и группа «Культура». Здесь мы имеем «окно», могущее рано или поздно закрыться - хотя

понимание этого приходит к другим европейским правительствам крайне медленно. Срок, отпущенный для «втягивания» Украины и демократизированной Белоруссии в «безопасное пространство» ЕС, ограничен. И естественно вспомнить в этой связи слова Тони Блэра, обращенные им к Европарламенту 23 июня, - что партнерство с Россией «основано на общеевропейских ценностях и отражает заинтересованность ЕС в общем добрососедстве...» Интересное замечание, но что оно на самом деле означает? Далее он сказал, что «мы будем продолжать развивать отношения Европейского союза с Украиной, ... отражая тем самым прогресс в проведении в жизнь реформ на Украине». Значит ли это, что г-н Блэр вновь ставит условия - что он так любит делать? Я думаю, что скорейшее включение Украины - слишком важный вопрос, чтобы задерживать его решение из-за того, реприватизирован или нет тот или иной сталелитейный завод или смягчено или нет трудовое законодательство.

Кое-кто из читателей, вероятно, помнит не очень смешной анекдот времен «холодной войны». Плохо одетый гражданин спрашивает другого: «Советы нам друзья или братья?» И тот - одетый не лучше - отвечает: «Конечно, братья, потому что друзей ты выбираешь сам». Европейцам надо помнить, что у них до сих пор, кроме друзей, есть еще и братья. Польша лучше большинства стран понимает, что внутри и за пределами ЕС у нее существуют соседи, которых никуда убрать нельзя и чьи настроения нельзя игнорировать, хотя без них жизнь и была бы куда приятнее. Строить внешнюю политику своей страны на основе ксенофобии - занятие нездоровое, если находишься внутри Европейского союза, ибо в этом случае вскоре возникнет тяжелая конфронтация не только с воображаемым врагом, но и с другими европейскими странами, которые стараются выработать общую внешнюю политику и политику безопасности. Но не следует впадать и в другую крайность, ибо наличие общей внешней политики не освобождает правительства каждой отдельной страны от необходи-

мости прилагать серьезные усилия, развивая двусторонние отношения с соседями, не входящими в Союз.

В заключение я хотел бы поделиться с читателями своим личным долгосрочным прогнозом «европейской погоды», или, как говорят немцы, - «макросиноптической ситуации» в международной политике. По сути, здесь я могу предложить только два замечания. Первое - это что политическая мощь США на мировом уровне слабеет. Я имею в виду не военную мощь, а то прямое контролирующее влияние, которое неоконсерваторы усиленно стараются восстановить. Я думаю, что ослабление этого влияния началось в 1989-1991 гг. Мнение, что в мире осталась лишь одна сверхдержава, которая унаследовала монополию на мировое господство, крайне ошибочно. США добились практически полного, эффективного и почти не встречавшего сопротивления контролю над большей частью земного шара за десятилетия «холодной войны», и контроль этот основывался и на достигнутом в значительной степени политическом консенсусе, и на вооруженных силах. Однако после 1989 г., когда прежней дисциплины более уже не требовалось, мир пошел развиваться в иных направлениях и стал неконтролируемым - более того, непонятным сверхдержаве. С началом XXI века мы стали свидетелями первых этапов сложной, принимающей разнообразные формы и имеющей глобальный размах борьбы с постепенно уменьшающимися свои прежние масштабы проявлениями американской мощи. Порой эта борьба будет сопровождаться откровенным насилием. По большей же части она будет политической, часто принимая и экономические формы. Европейскому союзу надо помогать США в организации их отступления. Здесь не место ни безусловной поддержке, ни стыдливым попыткам не замечать того, что реально происходит. Иногда придется вслух критиковать политику США или даже противодействовать ей, если альтернатива - катастрофа.

Иными словами, нам предстоит опасный век. А другой мой прогноз в большей степени касается нас самих. Мы, европейцы, не должны слишком уж тревожиться возвышением Китая

или Индии. Это было бы неправильно, ибо Россия в ближайшие 20 лет - а может быть, и раньше - вернет себе статус традиционной великой державы. В Великобритании и США есть ученые и эксперты, утверждающие, что России как единой силе на мировом уровне пришел конец, что никакое реальное экономическое и политическое возрождение невозможно и что дело может дойти до того, что федерация попросту развалится. Меня пугает их позиция самоуверенного спокойствия. Как когда-то говорил российский царь, «Никаких воспоминаний, господа!»

Я собираюсь закончить бестактным замечанием. В рамках нашего пышно разукрашенного, но достаточно слабого Европейского союза, по мере того, как события нашего крайне опасного века начинают разворачиваться и на Востоке, и на Западе, как следует вести себя Польше? Мне кажется, что есть один священный принцип, которому Польша должна следовать. Вот он: Будьте «трудными»! Будьте активным, но неподатливым партнером в Союзе! Быть «трудными» - это значит, разумеется, оставаться в рамках партнерства, и это не имеет ничего общего с деструктивным национальным эгоизмом. Но пусть голос ваш звучит громко, даже когда другие, более старые члены Союза будут хотеть, чтобы поляки замолчали. Черпайте уверенность в собственном долге и преисполненном страданий историческом прошлом и никогда не позволяйте своим европейским партнерам думать, будто Польша заранее на все согласна. Те, кому пришлось существовать между Германией и Россией, выжили потому, что отказывались молчать, когда весь остальной мир единодушно стремился заткнуть им рот. Поэтому я смиренно прошу вас быть «трудными». Не только ради самой Польши, но и потому, что громкий голос, говорящий «нет», возможно, поможет Европейскому союзу оставаться начеку в наше опасное время.

С английского перевел А. Юрасовский
(перевод неавторизованный)